

Владимир ВОЙНОВИЧ:

"Я бы не стал напрямую увязывать нынешний разгул преступности с новой формой демократического правления..."

МЫ СТАНОВИМСЯ ДРУГИМИ"

— Владимир Николаевич, сегодня многие наши сограждане задаются тревожным вопросом: куда зашла Россия, не наступает ли ее закат?

— Ситуация, конечно же, не проста, но драматизировать положение, как это делает в своем фильме "Великая криминальная революция" Станислав Говорухин, я бы не стал. По нему выходит, что все, конец, ничего уже сделать нельзя, Россия погибла. Я же считаю, что такая великая криминальная революция была совершена в 1917 году и мы до сих пор расхлебываем ее последствия. Масштабы кровавых преступлений октябрьской революции, толкнувшей Россию на гражданскую войну с последующими массовыми репрессиями, несоизмеримы с нынешней преступностью, с которой государство, конечно же,

должно бороться всеми доступными средствами. Но я бы не стал напрямую увязывать нынешний разгул преступности с нарождающейся в России новой формой демократического правления. Я склонен считать, что сегодняшние террористические акты осуществляются не только мафиозными группировками, но и провоцируются определенными силами, которые потеряли власть и всеми способами стремятся дискредитировать формирующийся не без больших трудностей демократический строй, вернуть бразды правления. В России медленно, болезненно, но неотвратимо идет объективный исторический процесс обновления, страна нащупывает цивилизованную дорогу.

— Но, насколько знаю, у большинства простых смертных россиян

нет такого оптимизма...

— Да, многие "простые смертные" привыкли к жесткой определенности, усредненности коммунистического режима и, естественно, оказались не готовыми к восприятию нового, были растеряны и даже шокированы. Но я замечаю, что сегодня многие наши сограждане уже не те, что были три-четыре года назад, раскрыли свои возможности, почувствовали себя увереннее, устойчивее. Маленький житейский примерчик. Соседка-пенсионерка, приходящая убирать в моей квартире, сначала боялась прикасаться к дорогим вещам и все причитала: "Господи, какие же тыщи это стоит!" Пенсию она получала маленькую, теперь в два раза повысили да появилась возможность подзарабо-

тать. Заметно приободрилась старушка, перестала причитать.

— Вижу, Владимир Николаевич, обстановка в вашей квартире хорошая. Наверное, крупные гонорары получаете? Скажите, если не секрет...

— Никакого секрета: инсценировки по моей повести "Необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" идут в сорока театрах России, а за год я получил от этого всего сорок тысяч рублей. Выручает то, что мои книги переводят за границей.

— В свое время ваша повесть наделала много шума, многие обвиняли вас чуть ли не в стремлении дискредитировать Советскую Армию, показывая ее в карикатурно-гротескном виде. Была ли у вас такая заданность?

— Никакой заданности не было. Просто я сам четыре года служил в армии и, что называется, изнутри видел всю нелепость армейских порядков, сплошь и рядом граничащих с глупостью и абсурдом. И все это само собой вышло в повесть, в которой много сатиры и юмора. Сегодняшние события в Чечне как бы еще раз подтверждают абсурдность армейских порядков, которые не позволяют готовить воинов-профессионалов: до зубов бронированные полки несколько недель не могли взять президентский дворец.

— Наиболее интересный вопрос, Владимир Николаевич: о чем скрипит писательское перо?

— Пишу роман "Замысел".

В чем-то он будет автобиографичным, в чем-то вымышленным. Через что я только в жизни не прошел: и ремеслу, и колхоз, и диссидентство. Пытаюсь отразить в романе весь срез жизни, которая, ох как непроста, ох как трагикомична! О публикации романа есть предварительная договоренность с журналом "Знамя".

— И по себе, и по другим знаю: люди стали читать куда как меньше, а общественные библиотеки вообще пустуют. Это что — общее падение культуры, нравственности? И не следствие ли это наступления века делового, прагматичного?

— Вы знаете, на первый взгляд парадоксальная, но, в общем-то, закономерная ситуация: по мере продвижения к цивилизации люди меньше читают книжек. Время отбирают телевидение, поездки, круизы, для которых у многих появились средства. Помню, в детстве я запомнил начал читать книги по той простой причине, что зимой наш хутор был занесен снегом и отрезан от мира. Что касается разговоров о падении культуры. При социализме ее вроде бы было больше, но то во многом была культура с налетом бравадности и фальши, а человек оставался гаечкой и винтиком, резьбу которых в любой момент мог сорвать какой-нибудь начальник с политическим разводом ключом в руках. Кто как, а я такую культуру никогда не принимал и не приму.

Вел беседу Николай АНДРЕЕВ.